

ПЛУТАРХЪ

ЖИЗНЬ и ДѢЛА
ЗНАМЕНИТЫХЪ ЛЮДЕЙ
ДРЕВНОСТИ

ИЗДАНИЕ „НАРОДНОЙ БИБЛИОТЕКИ“

В. Н. Маракуева

МОСКВА—1889.

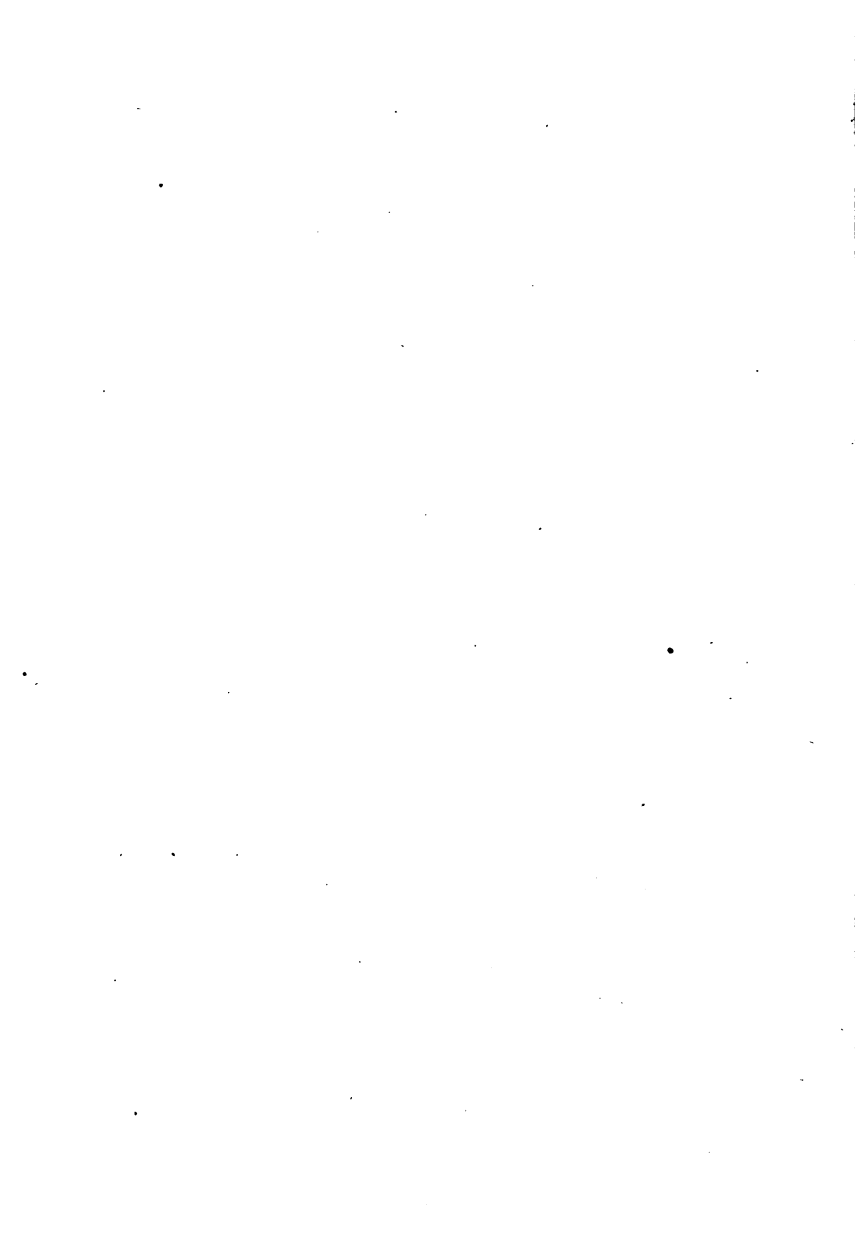
KD 44491

Типо-Лит. Д. А. Бонч-Бруевича, Москва, Немецкая улица, Бригадирский пер.,
д. Т-ва М. Г. Кувшинова.

СОДЕРЖАНІЕ.

Что Плутархъ имѣетъ въ виду, описывая жизнь великихъ людей.—Преданія о рожденіи Александра.—Физическія и нравственныя свойства его.—Его первое воспитаніе.—Аристотель.—Первые подвиги Александра.—Его несогласія съ отцомъ.—Вступленіе на престолъ.—Покореніе и разореніе Фивъ.—Походъ Александра въ Азію.—Переходъ чрезъ Граникъ и побѣда Александра.—Покореніе многихъ обширныхъ областей.—Болѣзнь Александра.—Сраженіе при Иссъ.—Взятіе въ плѣнъ матери, супруги и дочерей Дарія.—Привычки и образъ жизни Александра.—Взятіе Газы.—Основаніе Александріи.—Оракулъ Юпитера Аммонскаго.—Игры и зрѣлища.—Сраженіе при Арбеллахъ.—Взятіе Сузъ.—Покореніе Персіи.—Сожженіе дворца царя Ксеркса.—Щедрость Александра и его заботливость о приближенныхъ.—Смерть Дарія.—Александръ и Скиѣи.—Попытки къ сближенію съ варварами.—Женитьба на Роксанѣ.—Смерть Филотаса и Парменіона.—Умерщвленіе Клита.—Калисеенъ.—Демарать.—Походъ въ Индію.—Таксилъ.—Поръ.—Гимнософисты.—Александръ на океанѣ.—Торжественное возвращеніе.—Смуты въ его государствѣ.—Гробница Кира.—Каланъ.—Бракосочетаніе Александра съ Статирой.—Отправка на родину Македонянъ, неспособныхъ къ службѣ.—Смерть и погребеніе Гефестіона.—Знаменія, предостерегающія Александра противъ возвращенія въ Вавилонъ.—Болѣзнь его и смерть.—Судьба жены его Статирѣ.

ХАРАКТЕРИСТИКА ПЛУТАРХА

(Статья французскаго историка Мишле).

Въ исторіи народовъ характеры наиболѣе достойные вниманія являются нерѣдко въ смутныхъ очертаніяхъ, ибо характерныя черты ихъ теряются въ массѣ штриховъ, не имѣющихъ большаго значенія. Нечего даже и ожидать встрѣтить здѣсь цѣльнаго человѣка; мы найдемъ тутъ только чиновниковъ, завоевателей, законодателей. Знакомъ насъ только съ публичною жизнью, исторія всегда будетъ показывать намъ людей такими, какими они желали казаться.

Біографія имѣетъ для моралиста гораздо большее значеніе; она подготовляетъ ему всю его работу; она выхватываетъ изъ толпы людей, наиболѣе пригодныхъ для изученія, она проводитъ ихъ предъ нами

обнаженными отъ всякихъ, ихъ скрывающихъ, прикрасъ.

Каковъ же будетъ мудрецъ, котораго мы возьмемъ себѣ руководителемъ въ этомъ полезномъ обзорѣ? Будетъ-ли онъ похожъ на того краснорѣчиваго писателя, который такимъ остроумнымъ, такимъ энергичнымъ слогомъ рассказалъ намъ простую и скромную жизнь Агриколы? *. Еще болѣе нравился бы мнѣ тотъ холодный повѣствователь, который рассказываетъ однимъ и тѣмъ же тономъ жизнь Нерона и жизнь Тита; онъ передаетъ безъ разбора всѣ факты и никогда не изслѣдуетъ ихъ: по крайнемѣрѣ, онъ не навязываетъ мнѣ своихъ мнѣній. Но онъ сухъ, нагъ, онъ собралъ только матеріалъ; онъ безжалостно водить насъ среди гнусностей, безъ всякой пользы для изученія нравовъ.

Не таковъ долженъ быть истинный біографъ. Чтобы помочь себѣ отыскать его, не будетъ-ли полезно установить главные признаки, которые онъ долженъ соединять въ

* Тацитъ, римскій историкъ.

себѣ? Онъ будетъ такъ же безпристрастенъ какъ Светоній, такъ же спокоенъ; но всюду въ его писаніяхъ будетъ чувствоваться душа человѣка добродѣтельнаго. Онъ будетъ не такъ глубокъ, не такъ теменъ какъ Тацитъ, ибо онъ долженъ говорить предъ цѣлымъ свѣтомъ; онъ будетъ показывать намъ людей скорѣе въ ихъ дѣйствіяхъ, нежели въ искусныхъ конъектурахъ; онъ не захочетъ все объяснить. Злые будутъ мало занимать его; память, ими оставленная, бесплодна какъ и ихъ жизнь. Книга его будетъ посвящена добродѣтели; онъ безпрестанно будетъ намъ говорить о ней, и всегда трогательнымъ тономъ, какъ говорятъ о томъ, что любятъ. Религіозный обожатель безсмертныхъ боговъ, онъ ежеминутно будетъ напоминать намъ о нихъ въ своихъ разсказахъ, изъ опасенія нагнать на насъ уныніе, изображая такъ часто праведныхъ несчастливцевъ. Мнѣ бы хотѣлось еще, чтобы онъ родился въ такомъ вѣкѣ, въ которомъ у него бы не было уже отечества; онъ отличался бы большимъ безпристрастіемъ сужде-

нѣй. Я бы предпочелъ, чтобы онъ былъ снисходителенъ, чтобы онъ училъ меня не ненавидѣть людей, чтобы онъ внушалъ мнѣ состраданіе къ несчастію. Если бы, не смотря на свой энтузіазмъ къ добродѣтели, этотъ мудрецъ не стоялъ бы на страшной высотѣ принциповъ, если бы этотъ геніальный человѣкъ былъ простъ, добродушенъ, даже легковѣренъ, если бы онъ походилъ на насъ, по крайней мѣрѣ, слабостями, его книга нравилась бы мнѣ еще больше; это была бы уже не книга, это былъ бы другъ. Вы узнаете Плутарха и его *„Жизни Знаменитыхъ Людей“*; попытаюсь окончить портретъ.

Нужно ожидать, что въ практическомъ курсѣ морали * найдется мало соображеній политическаго свойства; и дѣйствительно, хотя эти знаменитые люди и не обладаютъ

* Чтобы это названіе соответствовало *„Жизнямъ Знаменитыхъ Людей“*, нужно изъ нихъ выкинуть пять, въ которыхъ Плутархъ является только историкомъ; не такъ интересныя по сюжету, они еще менѣе привлекательны по слогу; одна изъ нихъ, жизнь Артаксеркса, кажется мнѣ даже недостойною его; это не богѣе какъ рассказы о злодѣяніяхъ и описанія казней; это ни для кого не интересно. Жизни Тезея и Ромула, можетъ быть, любопытныя Грекамъ и

ни единою добродѣтелью, ни единымъ порокомъ, которые не оказывали бы вліянія на судьбы міра, а изученіе характеровъ естественно наводитъ на размышленія о переломахъ, какіе они повели за собою или обусловили. Плутархъ, всегда занятый обрисовкою индивидуумовъ, рѣдко говоритъ о народахъ, да и то мимоходомъ; по этой же причинѣ, величайшія событія не всегда оставляютъ на себѣ его вниманіе; онъ избавляетъ насъ отъ этихъ войнъ, о которыхъ такъ пространно повѣствуетъ большинство историковъ. Поступки, слова, въ которыхъ выражается человѣкъ, которые могутъ опредѣлить его фізіономію, — вотъ то, что онъ беретъ изъ жизни политической, вотъ то, чего онъ ищетъ въ тайнахъ частной жизни. Частная жизнь прежде всего составляетъ

Римлянамъ, которые находили въ нихъ преданія своей исторіи, кажутся мнѣ чисто произведеніями эрудиціи. Жизни Гальбы и Оттона, за исключеніемъ одного превосходнаго мѣста, суть слабыя подражанія Тациту (я говорю подражанія, ибо, на мой взглядъ, подражатель — самый плохой писатель). Вообще, въ этихъ жизняхъ я не нахожу философіи; то, что онъ рисуетъ — не характеръ; не видно моральной цѣли.

для него предметъ изученія; въ ней-то онъ преимущественно показываетъ намъ своихъ дѣйствующихъ лицъ, въ ней-то онъ и застигаетъ ихъ врасплохъ, когда они не приглашены съ намѣреніемъ показать себя. Едва ли есть зрѣлище, способное сильнѣе приковать къ себѣ этихъ колоссовъ, такъ устранившихъ насъ въ исторіи, онъ низводитъ до ихъ настоящихъ размѣровъ, мы узнаемъ въ нихъ людей; наше удивленіе предъ ними часто блѣднѣетъ, но оно лучше обосновано, и уже ни бесплодно болѣе, ни приводитъ въ уныніе.

Эти подробности частной жизни, столь интересныя, столь драгоценныя при изученіи нравовъ, нерѣдко опускались, и должны были опускаться тѣми изъ древнихъ, которые писали исторію народовъ, а деликатность новѣйшихъ писателей оскорблялась ихъ низменностью. Плутархъ одинъ изъ всѣхъ писателей осмѣлился предложить намъ эти наивныя картины; вотъ что восхищало Монтескьё; благодаря этому-же, главнымъ образомъ, онъ былъ человѣкомъ Монтэня.*

* См. Монтескьё, *Pensées diverses*; Монтэнь, *Essais*, livre II, chapitre X; Руссо, *Emile*, livre IV.

„Плутархъ, говоритъ Руссо въ *Эмилъ*, превосходенъ этими самыми подробностями, въ которыя мы уже не осмѣливаемся входить. У него неподражаемая грація изображать великихъ людей въ мелочахъ; и онъ такъ счастливъ въ выборѣ этихъ штриховъ, что часто одного слова, улыбки, жеста для него достаточно, чтобы охарактеризовать своего героя. Одной веселой шуткою Аннибалъ ободряетъ свою смущенную армію и заставляетъ ее смѣясь идти на битву, которая отдаетъ въ его руки Италію; Агезилай, верхомъ на палкѣ*, заставляетъ меня полюбить побѣдителя великаго царя; Цезарь, проѣзжающій бѣдной деревушкой и болтающій съ своими друзьями, обнаруживаетъ въ себѣ, вовсе не думая о томъ, пройдоху, желающаго быть ровнею только Помпею; Александръ смѣло проглатываетъ лѣкарство, не говоря ни слова; это—лучшій моментъ въ его жизни; Аристидъ пишетъ свое имя на рако-

* Агезилай, очень любившій своихъ дѣтей, участвовалъ обыкновенно въ ихъ играхъ; однажды его застали съ ними верхомъ на палкѣ.

винѣ, и такимъ образомъ оправдываетъ свое прозвище; Филопемень, снявши плащъ, рубить дрова на кухнѣ своего хозяина. Вотъ истинное искусство живописанія. Физіономія обнаруживается не въ широкихъ штрихахъ, а характеръ не въ великихъ дѣяніяхъ; природа раскрывается въ мелочахъ. Публичные дѣла или слишкомъ обыкновенны, или слишкомъ искусственны, а почти исключительно на нихъ-то новѣйшая чопорность и позволяетъ останавливаться авторамъ“.

Не исключительно благодаря этому ложному приличію оригинальныя черты такъ рѣдки даже у великихъ историковъ; они хотятъ подчинить характеры единству; всѣ дѣйствія ихъ персонажей исходятъ изъ одного принципа, образуютъ, такъ сказать, систему; эти детали частной жизни, часто противорѣчащія жизни общественной, не всегда могли бы найти себѣ мѣсто въ такой системѣ; они предпочитаютъ лучше пожертвовать ими. Не такова манера Плутарха; онъ слишкомъ хорошо знаетъ человѣка, чтобы предполагать большую послѣдовательность въ его поступ-

кахъ. Онъ не написалъ бы искуснаго діалога Силлы и Евкрата.

Далекій отъ стремленія подчинить единству этотъ подвижной и перемѣнчивый сюжетъ, онъ рисуетъ преимущественно моменты страсти, несчастія, когда души наиболѣе сильныя изнемогаютъ и смягчаются. Эти слабости образуютъ нерѣдко пикантный контрастъ съ характеромъ людей, отъ котораго они уклонились. Въ моментъ убіенія Цезаря эпикуреецъ Кассій обращается шопотомъ къ статуѣ Помпея; Перикль, заподозрѣнный въ невѣріи, позволяетъ, на смертномъ одрѣ, привязать къ своему тѣлу талисманъ; Силла, разграбившій Дельфійскій храмъ, въ минуту опасности проиграть сраженіе взываетъ къ небольшому изображенію Аполлона, которое онъ всегда носилъ на себѣ. Находятъ какое-то удовольствіе въ наблюденіи этихъ противорѣчій у необыкновенныхъ людей; это — возмездіе за человѣческую злобу.

Не всѣ слабости постыдны; въ числѣ ихъ есть такія, которыя намъ было бы желательно найти въ самыхъ прекрасныхъ жиз-

няхъ. Когда великій человекъ, повинаясь долгу, платитъ дань природѣ слезами, мы его столько же любимъ, сколько ему удивляемся, мы даже участвуемъ въ его умиленіи: трудно устоять противъ умиленія сильной души. Насъ глубоко трогаетъ, когда Кратезиклея, разставаясь съ Клеоменомъ, роняетъ нѣсколько слезъ и, извиняя ихъ себѣ,тираетъ слезы своего сына; точно также насъ трогаетъ, когда Катонъ умиляется, прося за своихъ друзей, и плачетъ въ первый разъ въ жизни. Слабость, за которую часто мы любимъ человека добродѣтельнаго, внушаетъ намъ состраданіе къ злему; иногда она доказываетъ, что душа его не умерла для добродѣтели. Намъ жалко Римскаго тирана, когда мы видимъ его въ отчаяніи вслѣдствіе печали и безмолвія народа, когда онъ удаляется къ себѣ, будучи не въ силахъ выносить народную ненависть, и когда, срывая съ себя одежды, онъ кричитъ друзьямъ, что готовъ добровольно отдать свою жизнь первому, кто захочетъ поразить его.

Эти черты, рисующія такъ живо или чело-

вѣка вообще, или различные характеры, не пополняются у Плутарха никакими разсужденіями. Большая часть великихъ уроковъ морали, которые онъ намъ преподноситъ, заключается также въ простомъ пересказъ событий; объясненія не послужили бы ни къ чему для тѣхъ, кто не въ состояніи былъ бы уловить философскаго наставленія въ фактахъ, такъ хорошо представленныхъ. Иногда, впрочемъ, когда онъ хочетъ живѣе выставить какую-нибудь великую истину, онъ облачаетъ эти разсужденія въ остроумныя и драматическія формы: всякій знаетъ наизусть діалогъ Пирра и Кинеаса, такъ удачно переведенный Буало.

Цезарь и Помпей идутъ сразиться при Фарсалѣ; сигналъ поданъ, трубы протрубили атаку:

„Многіе, говоритъ онъ, только и думали, что о своей побѣдѣ; но наиболѣе разумные Римляне и нѣкоторые изъ Грековъ, присутствовавшіе при сраженіи, видя, что приближается страшный моментъ, ясно усматривали, до какихъ крайностей довели римское госу-